

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Луговская Дарья Алексеевна

**В. Ф. ХОДАСЕВИЧ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК: ПОЭТИКА,
ГЕНЕЗИС ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
канд. филол. наук, PhD,
Успенский Павел Фёдорович

Москва 2022

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В. Ф. Ходасевич вошел в историю литературы прежде всего как поэт и мемуарист, исследователь творчества А. С. Пушкина. Одновременно с первыми стихотворениями в периодических изданиях начали появляться его критические очерки. К концу 1930-х годов он создал себе репутацию одного из самых авторитетных критиков русской эмиграции. При ближайшем рассмотрении оказывается, что критика, поэзия, мемуаристика Ходасевича подчинены общим закономерностям развития. Этапы их формирования, эволюции более всего заметны при изучении критических статей и, отчасти, поэзии. Поэтому представляется важным проследить этапы эволюции критики Ходасевича и объяснить, как складывались те эстетические представления, которые реализовывались не только в рецензиях, но параллельно и в поэзии, в мемуаристике автора. В диссертации анализируются критические статьи и очерки Ходасевича 1905–1939 годов. Работа с этим обширным материалом, описанным в приложении к диссертации, показывает, как происходило становление творческой манеры Ходасевича-критика, каким литературным моделям он следовал в разные периоды творчества – в конечном счете – как создавалась репутация ведущего критика русской эмиграции. Сделанные в диссертации наблюдения позволяют судить о нюансах включения Ходасевича в современный ему литературный процесс и взаимодействия с литературной традицией XIX века.

Материалом для исследования служат критические очерки Ходасевича, написанные в 1905–1939 годах. Тексты, созданные до 1927 года, были собраны и републикованы Дж. Малмстадом во втором томе продолжающегося восьмитомного собрания сочинений поэта¹. Очерки, созданные после 1927 года, было необходимо найти в ежедневных выпусках

---

¹Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада, Р. Хьюза. М., 2010.

газеты «Возрождение». Большая часть номеров была оцифрована библиотекой Принстонского университета, отдельные выпуски, отсутствующие в электронном виде, доступны в ГАРФ и библиотеке Дома русского зарубежья. В диссертации не анализируются историко-литературные очерки Ходасевича о Пушкине, главы книги «Державин», печатавшиеся в «Возрождении» и «Современных записках», и все публикации под псевдонимом «Гулливер» в рубрике «Литературная летопись». Этот материал используется как необходимый фон исследования, но его внимательное изучение сделало бы работу слишком обширной.

Степень научной разработанности проблемы

Творчество Ходасевича по идеологическим причинам стало доступно для исследователей сравнительно поздно, со второй половины 1980-х годов. С этого времени до нынешнего десятилетия появился ряд базовых работ о биографии и творчестве поэта – в любом исследовании нельзя не опираться на труды Н. А. Богомолова, С. Г. Бочарова, В. И. Шубинского, И. Андреевой, D. Vethea. Существует ряд известных работ о поэзии Ходасевича (Ю. И. Левина, Н. А. Богомолова, П. Ф. Успенского), в последние десятилетия появилось несколько значимых историко-литературных трудов о мемуаристике. Очерки Ходасевича не исследовались как некий целостный корпус текстов, в котором прослеживается эволюция эстетических взглядов автора, однако отдельные аспекты критики эмигрантского периода были изучены достаточно подробно. Среди них – полемика Ходасевича и Г. В. Адамовича, критика футуристов, Ходасевич и молодые поэты эмиграции – работая с очерками, посвященными этим вопросам, нельзя обойтись без трудов О. А. Коростелева, Н. А. Богомолова, Л. Ливака, А. Ю. Сергеевой-Клятис, Дж. Малмстада, И. Ронен.

Практически неизученными можно назвать критические статьи, написанные Ходасевичем до эмиграции. Они были основательно прокомментированы Дж. Малмстадом и Р. Хьюзом во втором томе

восьмитомного собрания сочинений поэта. Если работы о Пушкине анализировались в монографии И. З. Сурат «Пушкинист Владислав Ходасевич»², то остальные тексты не пользовались вниманием исследователей. Так, в работах Н. А. Богомолова, О. А. Клинга представлено подробное изучение издательской политики символистских журналов начала века («Весы», «Золотое руно»). Однако сотрудничество Ходасевича с символистскими изданиями, стратегия его вхождения в литературное поле не были описаны филологами. В работах Г. Тиханова³, Л. Ливака была осуществлена попытка контекстуализировать творчество Ходасевича-эмигрантского критика, но в целом статьи не рассматривались в контексте литературной традиции, – этот аспект можно назвать важнейшим для автора, говорившего о «консервации» культуры. Эстетические взгляды критика не были описаны во взаимодействии с его поэзией и мемуаристикой. Публикация критических статей не рассматривалась как один из механизмов вхождения в литературное поле и создания определенной писательской репутации.

Актуальность работы обусловлена тем, что очерки Ходасевича не были исследованы подробно, как единый корпус текстов. Не осуществлялось попыток определить генезис эстетических взглядов критика и их эволюцию на протяжении его творчества.

Цель нашей диссертации состоит в том, чтобы выявить сущность и генезис эстетических взглядов Ходасевича-критика.

Для достижения этой цели представляется возможным решить несколько **задач:**

1. Описать критику Ходасевича 1900-х годов, определив, как она соотносилась с работами мэтров символизма; на кого из значимых

---

² Сурат И. З. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.

³ Тиханов Г. Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами // История русской литературной критики / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. С. 335–367.

современников мог ориентироваться начинающий автор, разрабатывая собственные эстетические взгляды, язык;

2. Объяснить, как в критике 1910-х годов Ходасевич отходил от эстетических представлений символистов и вырабатывал новый понятийный аппарат;

3. Объяснить, как менялась критика Ходасевича в 1917–1921 гг., в сложный для поэта исторический период, когда принятие революции сменилось отрицанием ее идей;

4. Охарактеризовать творческий метод Ходасевича эмигрантского периода, объяснив, на какие модели мог ориентироваться критик, генерируя новые взгляды и создавая себе репутацию первого критика диаспоры.

Можно сказать, что в диссертации рассматриваются два взаимосвязанных сюжета: как складывались эстетические взгляды критика, образность его текстов и на какие литературно-биографические модели он при этом ориентировался. Поэтому **методика исследования** основана на комплексном подходе, сочетающем историко-литературный и сравнительный методы. Для осуществления работы были просмотрены опубликованные критические очерки Ходасевича, а также подшивки газеты «Возрождение», размещенные как в электронном виде, так и в ГАРФ, в библиотеке Дома русского зарубежья. Для выявления контекста, в котором появлялись очерки Ходасевича 1908–1914 годов, были просмотрены газеты «Утро России», «Руль», «Заря» и др. в Отделе газет РГБ. Историко-литературный подход является основным в исследовании, но при реализации ряда задач используются и другие методы. Описание того, как формировалась литературная репутация Ходасевича, предполагает обращение к теории литературного поля П. Бурдьё. Определенный биографизм важно иметь в виду при анализе текстов Ходасевича, поскольку параллельно работе над критикой Ходасевич создавал мемуарные очерки, в которых выступал в роли историка литературы, а обстоятельства собственной жизни использовал,

чтобы подчеркнуть свою связь с традицией XVIII–XIX веков. Описание выстраивания идентичности, отбора определенных фактов своей биографии основано на исследованиях конструирования биографии в советских автобиографических документах в работе Ш. Фицпатрик. Монография Фицпатрик используется с очевидной поправкой на особенности исследуемого нами материала.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что критика Ходасевича еще не была осмыслена как целостное явление, органически связанное с поэзией и мемуаристикой автора и – шире – с литературным контекстом эпохи. Исследователями до сих пор не освещались стратегия вхождения автора в литературное поле, эволюция взглядов критика и выбор определенных тем рецензий, литературных моделей – значимых для Ходасевича признанных критиков, тексты которых могли служить образцами для рецензий или ресурсом для полемики. Освещение этих вопросов составляет и теоретическую значимость работы.

Кроме того, собранный, подготовленный во время работы материал может служить дополнением для лекций по истории русской литературы конца XIX – первой трети XX века; истории русской литературной критики конца XIX–XX века; культуры, истории литературы русской эмиграции. В этом заключается **практическая значимость** исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ранняя критика Ходасевича (1905–1907 гг.) писались при очевидном влиянии поэтики очерков В. Я. Брюсова. Эти тексты по замыслу начинающего автора должны были подготовить литературную репутацию критика, близкого символистам, и обеспечить вхождение в литературное поле. Особую роль в этом играли биографические обстоятельства, начало литературной деятельности в журналах С. А. Соколова – конкурента Брюсова и значимый литературный псевдоним «Сигурд».

2. Во второй период творчества Ходасевича-критика (1908–1910-е годы) происходит демократизация взглядов автора: переориентация на широкого читателя, обращение к литературной традиции XIX века. В этот период формируются те эстетические взгляды Ходасевича, которые позже станут основой эмигрантской критики.

3. Период 1917–1921 гг. – промежуточный этап эволюции эстетики Ходасевича-критика, в который происходит переход от «демократических» взглядов к традиционализму, ориентации на эстетические идеалы XIX века – пушкинской эпохи.

4. В критике эмигрантского периода (1922–1939 гг.) Ходасевич ориентируется на ряд литературных моделей. Он проецирует их на свою биографию в мемуарных очерках, использует в критике. Среди значимых предшественников можно назвать А. И. Герцена, П. А. Вяземского, Г. Р. Державина, особенно выделив В. Г. Белинского.

5. Для эмигрантского периода характерно «политизированное» внимание к форме литературного произведения: формализм, футуризм и, соответственно, чрезмерное внимание автора к формальным излишествам литературного произведения по Ходасевичу связаны с «мещанством», с советской литературной политикой и культурной ситуацией, сложившейся после эпохи НЭПа. В противовес этому Ходасевич выдвигает традиционализм, ориентацию на нормативную поэтику как главный критерий, предъявляемый к литературе эмиграции. Задача литературы эмиграции околополитическая – сохранить «культуру Петра и Пушкина».

6. В критике Ходасевича можно выделить ряд эстетических критериев, согласно которым он оценивает рецензируемых авторов. В подобном ранжировании литературы в своих критических очерках, в утверждении права критика влиять на литературу и, шире, на культурную ситуацию в эмиграции Ходасевич сближается с литературной моделью Белинского.

7. Репутацию одного из виднейших критиков эмиграции Ходасевич обретает, сочетая внимание к форме, довольно современные эстетические требования и традиционализм.

8. Процессы, выявленные в критике, параллельно происходят и в поэзии Ходасевича.

Структура работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и источников, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** описаны тема, материал, цели, задачи исследования, приведен обзор литературы по теме диссертации.

Первая глава, «Критика В. Ф. Ходасевича 1905 – 1907 гг.», посвящена ранним очеркам Ходасевича, механизмам взаимодействия критика со значимыми современниками, В. Я. Брюсовым, С. А. Соколовым процессу формирования Ходасевичем репутации поэта-символиста и критика.

В первом параграфе описано начало литературного пути Ходасевича-критика, конструирование им биографии для того, чтобы занять место в кругу литераторов-символистов.

Во втором параграфе говорится об издательской политике журналов «Искусство», «Перевал», «Золотое руно», в которых появлялись первые публикации критика. «Золотое руно» придерживался тех же литературно-эстетических взглядов, что и «Весы», отличаясь большим количеством второстепенных, начинающих авторов. То же можно сказать и о других изданиях Соколова. Определенная литературная конкуренция и вторичность журнала. Начиная литературную карьеру, Ходасевич явно делал ставку на авторитет Соколова, однако литературным ориентиром для него оставались критика и поэзия Брюсова. Выйти из этой двусмысленной ситуации

Ходасевичу помогло использование псевдонима «Сигурд» – его прагматика и генезис описаны в третьем параграфе диссертации. Статьи за подписью Ходасевича соответствовали политике журналов Соколова, а «Сигурд» выражал позицию, близкую «Весам» и рецензиям Брюсова. Накануне выхода «Молодости» Ходасевич и «Сигурд» поменялись местами: критиком, явно совпадавшим с поэтикой, эстетическими взглядами «мэтра» стал Ходасевич. По-видимому, такая позиция казалась ему более выигрышной накануне выхода «Молодости». Многозначность самого псевдонима подчеркивала, что его носитель «считывает» культурные коды символистов. Выход первой книги, обстановка внутри лагеря символистов, где появлялось все больше малоодаренных авторов, показали Ходасевичу, что избранная им стратегия и литературные авторитеты не принесут желаемого признания. Поэтому уже в том же 1908 году он, как и некоторые поэты-современники, придет к ревизии своих эстетических взглядов.

Вторая глава, **«Критика конца 1900-х – 1910-х годов»**, посвящена второму этапу эволюции Ходасевича-критика. В ней освещаются пути преодоления Ходасевичем кризиса символизма, поиск новой литературной стратегии в 1908 – первой половине 1910-х годов. Этот этап эволюции творчества частично соответствует тем процессам, которые происходят в поэзии: пушкинская перспектива «Счастливого домика» будет все более явно проявляться в позднейших статьях Ходасевича 1915–1922 годов. Эта часть работы состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе говорится о смене литературной стратегии Ходасевичем в конце 1900–начале 1910-х годов. На рубеже десятилетий критик постоянно публикуется в нескольких разноплановых изданиях («Руль», «Московская газета», «Утро России», «Северный вестник»). Тематическое поле его рецензий расширяется – появляются очерки о переводной поэзии, о поэтах XIX века (к примеру, «Графиня Е. П. Ростопчина. Её жизнь и лирика» (1908), «Фрагменты о Лермонтове» (1914)), популярные в периодике травелоги. Подобная демократизация происходит и

в поэтике очерков Ходасевича, ориентированных на широкого читателя, а не на литератора символистского круга, «своего» читателя, как это было с первыми очерками критика. Аналогичные процессы происходят в критике Брюсова и Блока второй половины 1900-х годов. В 1910-е годы в рецензиях Ходасевича сосуществуют несколько тематических линий – наряду с рецензиями на сборники поэтов-современников, авторов круга символистов, появляется все больше выступлений против модернизма, «опозорившего символизм», автор обращается к традициям критики второй половины XIX века.

Во втором параграфе анализируется критика житнетворчества Ходасевичем в «бытовых» очерках, появляющихся на страницах массовых изданий – «Девушки в платьях», «Притончик. На Кузнецком», «Мистическая карамель». Коммуникативная цель текстов рубежа 1900–1910-х годов заключалась в критике многочисленных эпигонов символизма, декадентства как образа жизни, который «поразил» мещан, простых обывателей. Эти фельетоны и рецензия подчеркивают очень важный поворот в поэтике критики Ходасевича: обращение к внелитературной реальности и к оценке рецензируемого текста с точки зрения его адекватности модернистской поэтике. Переход от описания повседневности к оценке литературного явления станет узнаваемым приемом в очерках Ходасевича к середине 1920-х годов. Критика декадентства постепенно приобретала социальный пафос, превращалась в критику «мещанства», широкого понятия, под которым Ходасевич понимал опошление действительности. Это понятие, важнейшее для критики периода эмиграции, кристаллизуется около 1914 года.

В третьем параграфе описана группа очерков, которую условно можно обозначить как «критика прогресса» – это тексты об освоении Северного полюса и о первых полетах. Анализ литературного контекста рубежа 1900-1910-х годов показывает, что авиация и любой технический прогресс, который она символизирует, связывались с праздничной, карнавализованной атмосферой, публичностью, огромными денежными

призами. Поэтому технический прогресс ставился Ходасевичем в один ряд с такими порождениями декадентства, эпохи конца 1900-х годов, как мещанство, увлечения «эстетствующей молодежи» «болезненным искусством». Эти тексты Ходасевича также связаны с понятием «мещанство», важным для всего творчества критика. Очерки о прогрессе можно назвать еще одним шагом от декадентства к «поэзии настоящего дня» – к поэтике «Счастливого домика», последующих поэтических сборников и к критике середины 1910-х годов. В этом же параграфе описано меняющееся отношение критика к поэзии Северянина: от положительной оценки «Громокипящего кубка», в котором Ходасевич вслед за Брюсовым увидел потенциал для обновления символистской поэтики, преодоления кризиса, к статье «Обманутые надежды» (1916), где поэзия эгофутуриста признается образцом «мещанства».

В четвертом параграфе главы анализируется доклад Ходасевича «Надсон», прочитанный в 1912 году в Литературно-художественном кружке. В этом тексте Ходасевич обращается к эстетическим принципам критики радикалов-утилитаристов, объявляя, что «интеллигентская Россия» «сапоги всегда ставила выше Пушкина», и преодоление кризиса символизма возможно лишь с появлением «поэтов-граждан», которые «снова поднимут свой голос, призывая на бой»⁴. Язык доклада Ходасевича кажется чрезвычайно пестрым: с одной стороны, несколько узнаваемых крылатых фраз из очерков Писарева и Зайцева адресуют читателя к эстетике 1860-х годов. С другой, при более пристальном анализе инстанции адресата, языка, используемых критиком узнаваемых цитат, выясняется, что в докладе воспроизводятся только те политически радикальные интенции, которые уже были в текстах символистов (преимущественно у Блока), написанных после 1907 года и актуальными несколькими годами ранее. Обращение к эстетике

---

⁴Ходасевич В. Ф. Надсон // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада, Р. Хьюза. М., 2010. С. 100.

1860-1880-х годов, как известно из анонимной рецензии на доклад и из воспоминаний самого Ходасевича, не была понята аудиторией. По-видимому, она не вписывалась и в линию эволюции эстетических взглядов самого автора, который в скором времени обратился к пушкинистике в очерках и к изображению «простого и малого» в «Счастливом домике». Однако «гражданственная» линия будет использована в нескольких очерках 1912–1913 годов и в значительно трансформированном виде продолжится в пореволюционных и эмигрантских текстах критика.

Последний параграф посвящен статье «Русская поэзия. Обзор» (1914). В очерке Ходасевич делает «смотр» сборников 1914 года и выстраивает «иерархию» современной поэзии. При этом композиция, ряд выражений, использованных Ходасевичем в очерке, выбранный жанр «обзора» повторяют рецензии Брюсова. Выстраивая иерархию современных литераторов, Ходасевич выделяет три критерия, которым должна соответствовать хорошая поэзия: подлинность переживаний, «внутренняя правдивость»; «слияние формы с содержанием»; современность поэзии, ее органичность переживаниям человека XX века. Но будучи современной, поэзия не должна сводиться к описанию «ненужного увлечения прогрессом». Несколько трансформировавшись, эти критерии сохраняются и в эмигрантском творчестве критика.

Если продолжить пунктирную линию сравнения прозы Блока и Ходасевича, которая проходит в диссертации, то можно обозначить первые два этапа эволюции критики как «теза» и «антитеза». Очерки пореволюционного периода и эмиграции – «синтез» выработанных эстетических взглядов, закономерный этап эволюции Ходасевича.

В третьей главе диссертации рассматривается «рубежный» для поэтики критика период – 1917–1921 годы. С выходом второй книги стихов, «Счастливый домик» (1914), Ходасевич занял более определенное место на литературном поле. Его критические очерки публиковались в солидных

изданиях – в середине десятилетия началось длительное сотрудничество поэта с «Русскими ведомостями». В очерках этого периода сохраняется «гражданственная» тематика и включается новая линия – надежды на «оздоровление» литературы, повышения культурного уровня массового читателя. Выделяются три тематические группы очерков, написанных в 1917–1921 годы: культурные перспективы, которые принесла революция; очерки о пролетарских поэтах, в которых Ходасевич пока видел литературный потенциал; статьи о Пушкине. При этом в ряде сюжетов, рассмотренных в главе, Ходасевич в своей эволюции вновь следовал моделям Брюсова и Блока – в случае последнего это особенно заметно в пушкинских статьях критика: «Окно на Невский», речи «Колеблемый треножник». В плане риторики очерки, опубликованные в этот период, близки литературной стратегии доклада «Надсон», но в них Ходасевич обращался к аграрной образности, заимствованной из лирики Некрасова, использовал клише, своим происхождением связанные с массовой агитационной литературой. В несколько схематичном виде эволюцию мировоззрения Ходасевича можно описать, разделив на несколько этапов: принятие революции, восторженные надежды на массовое образование, на искоренение «мещанства». Так, в начале 1918 года, Ходасевич начал служить в советских учреждениях, читать лекции о поэзии в Пролеткульте, рецензировать сборники пролетарских поэтов. В годы НЭПа, наступило разочарование в переменах, принесенных революцией – все новые социальные, литературные явления называются «мещанством». В текстах 1919–1921 годов зарождается, усиливается пушкинская перспектива – фигура поэта символизирует все наследие литературы XVIII – XIX веков. В 1920–1922 годах в очерках постепенно складывается поэтика эмигрантской критики Ходасевича, построенная на сочетании традиционализма (Пушкин как идеал, с которым сравниваются литературные события) и социальной направленности: критик становится фигурой, которая, по Ходасевичу, может не только формировать эстетические вкусы современников, но и влиять на

культурно-исторический процесс. Некрасовская линия, аграрная образность, демократизация литературы (массовость) – весь этот багаж из пореволюционных очерков Ходасевич более не будет использовать: в эмигрантских текстах он неоднократно сообщит о нелюбви к Некрасову, отрицании всего «массового» и идеологизированного, собирательно именуемого им «писаревщина».

Четвертая глава, **«Поэтика критики В. Ф. Ходасевича эмигрантского периода (1922 – 1939 гг.)»**, – самая объемная часть диссертации. Она делится на шесть параграфов. Рубежными для формирования эмигрантской идентичности можно считать 1925–26 годы, когда он окончательно селится в Париже, а в его текстах осторожная критика культурной политики советской власти сменяется более уверенными выступлениями в печати. Первый параграф представляет собой краткий обзор очерков 1922–39 годов и обстоятельств работы над ними в эмигрантских изданиях – в газетах «Дни», «Последние новости», «Возрождение», где Ходасевич сотрудничал с 1927 по 1939 годы и опубликовал большую часть очерков.

Во втором параграфе через призму биографии рассматриваются этапы становления Ходасевича как эмигрантского критика, процесс поиска новой, эмигрантской идентичности. Мемуары «О себе», «Как я “культурно просвещал”», «Новый Ликург», «Белый коридор» показывают, как Ходасевич структурировал свое «документальное “Я”» (в терминологии Ш. Фицпатрик). С одной стороны, осторожная сатирическая критика советской власти должна была сделать его «антибольшевистским автором» в глазах эмигрантской аудитории. С другой, само появление воспоминаний о службе новой власти (нетипичный для авторов-эмигрантов сюжет), отбор фактов в очерках (но не их критическая оценка) должны были оставить потенциальную возможность возвращения в СССР, о которой Ходасевич упоминал в письмах до 1926 года. Как можно судить по мемуарным очеркам, по письмам Ходасевича, в 1925 году – весной 1926 года он

отказывается от идеи возвращения в советскую Россию и начинает выстраивать репутацию эмигрантского критика: и в мемуаристике, и в рецензиях появляется осуждение литературной политики советской власти, оформляется та эстетическая программа, которая будет реализовываться во всех текстах периода эмиграции. Анализ критических очерков, созданных во второй половине 1920-х годов, показывает, что построение эмигрантской идентичности, поиск своего места на литературном поле происходили одновременно в мемуаристике, в рецензиях этого периода и в стихотворениях, вошедших в «Европейскую ночь».

В третьем и четвертом параграфах анализируются очерки Ходасевича, посвященные футуризму, а также полемике с Адамовичем. Два этих важнейших исследованных сюжета можно объединить: их связывает идеологизация формальной стороны произведения Ходасевичем, выработка критериев оценки литературного текста, которые, с одной стороны, связаны с художественными достоинствами текста, его соотношением с литературной традицией, а с другой – имеют политический оттенок.

Очерки конца 1920-х годов, когда наиболее оживленно велась полемика с Адамовичем о задачах и поэтике эмигрантской литературы, чрезвычайно ясно демонстрируют, как политические убеждения Ходасевича влияли на его эстетические взгляды.

Одна из важнейших тем эмигрантских очерков – критика формализма: в понимании Ходасевича – любого искусства, в котором внимание автора к форме перевешивало внимание к содержанию. Фактически Ходасевич использует во всех очерках единую «схему»: повышенное внимание к «форме» («не к тому, «что», а «как»») он связывает с «мещанством», «большевизмом» и удалением от Пушкина в эстетическом смысле и «России Петра и Пушкина к России хама» – в политическом. Эту схему критик со второй половины 1920-х годов по вторую половину 1930-х применяет к разным литераторам эмиграции (Д. Е. Святополк-Мирскому, Е. Бакуниной,

М. Алданову, Ю. Мандельштаму) и метрополии (И. Эренбургу, В. Катаеву, В. Каменскому и др.). Наиболее часто объектами критики становились Б. Л. Пастернак и В. В. Маяковский. Они, по Ходасевичу, в своем искусстве разрушали «Россию Петра и Пушкина»⁵ – классическую традицию. Противопоставление футуризма, советского ангажированного искусства «пушкинской перспективе» не кажется самоочевидным – для создания этой антитезы Ходасевич использует понятие «мещанство» из критики 1910-х годов. Исключительное внимание авторов рецензируемых текстов к формальной стороне произведения воспринимается Ходасевичем как политизированный критерий – такие литераторы противопоставляют себя пушкинской традиции. Ходасевич включает их в логический ряд «футуристы и формалисты – НЭП, “опошливший” революцию, которая могла избавить Россию от “духовного мещанства”». Тем не менее, сам критик в очерках выдвигает одним из важнейших требований к рецензируемым текстам сочетание формы и адекватного ей содержания, «вкус», самобытность творчества. И в этом заключается противоречивость взглядов автора. С одной стороны, критика формализма, футуризма в литературных произведениях. С другой стороны, литератор часто уделяет повышенное внимание форме рецензируемых текстов – в его статьях довольно часто встречаются термины «фабула» «сюжет», «форма». Наконец, парадоксальным образом очень близок научным работам формалистов интерес Ходасевича к фигуре Державина (здесь можно говорить только о совпадении темы, но не методологии и прагматики обращения к фигуре поэта).

Наконец, из анализа всех очерков Ходасевича о футуристах и формализме мы можем выделить несколько ключевых для критика оппозиций, «работающих» в любых рецензиях.

---

⁵Ходасевич В. Ф. Бесы // Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2 / Сост., подгот. текста, коммент. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. М., 2010. С. 364.

Футуризм — нормативность (ориентация на поэтику XIX века, пушкинскую традицию). Большевизм — имперскость (ориентация на традицию XIX века, литературу «России Петра и Пушкина»). Мещанство — народность. Народность у Ходасевича тождественна элитарности, поскольку прежде всего связана с Пушкиным, с «подлинной литературой», генетически родственной творчеству поэта. «Мещанство» — «опошление», уход от этой линии.

В пятом параграфе описаны литературные модели, которые мог использовать Ходасевич, выстраивая идентичность критика-традиционалиста, опираясь на прецеденты субъективно значимых для него литераторов. Выявленные нами – Г. Р. Державин, П. А. Вяземский, А. И. Герцен, В. Я. Брюсов, В. Г. Белинский. Соотнося себя с биографиями этих литераторов или с поэтикой их критики (преимущественно в случаях Герцена, Брюсова, Белинского), Ходасевич вписывает собственную жизнь и творчество в литературную традицию. Тем самым он осуществляет декларируемую им миссию эмигрантской литературы – сохранить литературную традицию XIX века. С этой задачей связаны все эстетические критерии, которые Ходасевич предъявляет к рецензируемым текстам. В очерках периода эмиграции он выстраивает определенный «пантеон» литераторов-предшественников и современников, во многом ориентируясь на поэтику Белинского. В концепции критики как инструмента, влияющего на литературную и социально-политическую реальность, в ряде частных особенностей поэтики очерков можно рассмотреть влияние эстетических взглядов Белинского, пересмотренных, частично трансформированных под воздействием символистской эстетики и личных предпочтений Ходасевича. Так, «народность» литературы у него рифмуется с пушкинской перспективой.

Подобные эстетические взгляды мы обозначили как «имперский проект» критика, подразумевая под этим идеализацию литературы

дореволюционной России, а также осмысление Ходасевичем литературного и политического процесса в реалиях XVIII–XIX веков.

Наконец, в последнем, шестом, параграфе снова рассматриваются биографические очерки – «политические» мемуары. В этих текстах, в ряде критических очерков, а также публикациях Гулливера в рубрике «Литературная летопись» заметно потенциальное намерение автора вернуться в СССР в 1935–36 годах, связанное со смертью Л. Б. Каменева. Ходасевич полагает, что с чиновником уходит и та советская культурная политика, которая определялась им как «мещанство», открываются перспективы для возрождения литературной традиции XIX века в советской России. С другой стороны, и мемуары, и ряд рецензий Ходасевича этого периода интересны как тексты, в которых он осмыслял современный литературный процесс в образах XVIII века. В критике, мемуарных очерках Ходасевич последовательно осмыслял опыт своей службы советской власти в образах, связанных с культурными реалиями XVIII века – прежде всего, с Державиным, другим поэтом и чиновником, придворным. Такой взгляд на советскую действительность из эмиграции – формальный способ возвращения к традициям литературы XIX века, то, что в предыдущих главах мы называли «имперским» проектом.

Подобное сочетание традиционализма, ориентации на узнаваемые литературные модели, стремление сохранить классическую традицию, дореволюционную культуру в очищенном от «мещанства» декадентства и футуризма виде отличало Ходасевича от большинства критиков-современников.

В **Заключении** диссертации подводятся наиболее важные итоги исследования и намечаются некоторые перспективы продолжения работы. Делается общий вывод об этапах эволюции Ходасевича – литературного критика и генезисе его эстетических взглядов.

В **Приложении** к диссертации приводится библиография критических очерков Ходасевича 1905–1939 годов. В список публикаций не были включены историко-литературные статьи о Пушкине, главы книги «Державин», хроника «Литературная летопись», поскольку подробное изучение этого материала осталось за рамками диссертации.

Основные положения диссертации отражены в нескольких статьях и докладах, работа над которыми велась в рамках обучения в Аспирантской школе по филологическим наукам НИУ ВШЭ.

Диссертация прошла **апробацию** в рамках научных конференций:

- 2021 – Международная конференция молодых филологов в Тарту. Тема доклада: *«В. Ф. Ходасевич о “советской службе” и репутации критика-эмигранта: прагматика редактирования “политических” воспоминаний»*. Тарту, 23–25 апреля 2021 года.

- Международная конференция «EMIGRANTICA ПРОДОЛЖАЕТСЯ: памяти О. А. Коростелева». Тема доклада: *«“Советская служба” и репутация писателя-эмигранта: прагматика работы В. Ф. Ходасевича над “политическими” воспоминаниями»*. ИМЛИ РАН, 22–23 марта 2021 года.

- 2019 – Международная конференция «“Поэзия” и “правда”: фикциональное и нон-фикциональное в истории литературы». 6-7 декабря 2019 Москва (ФГН НИУ ВШЭ). Доклад *«Прагматика использования псевдонима в очерках В. Ф. Ходасевича: накопление “символического капитала” в журналах 1905-07 гг.»*.

Результаты исследования были представлены в следующих публикациях:

1. Луговская Д. А. Статьи В. Ф. Ходасевича 1908–1914 годов: критика прогресса, “мещанства” и поиск новой эстетики // МАТИЦА

СРПСКА (MATICA SRPSKA JOURNAL OF SLAVIC STUDIES). 2021. № 99.
С. 251–264.

2. Луговская Д. А. Как преодолеть кризис символизма с помощью “народнических идеалов” ? Критика В. Ф. Ходасевича начала 1910-х годов и доклад «Надсон» // *Studi Slavistici*. 2021. XVIII. С. 67–85.

3. Луговская Д. А. В. Ф. Ходасевич в 1905 – 1907 годах: стратегия критика и становление литературной репутации // *Русская литература*. 2020. № 3. С. 199–208.

4. Луговская Д. А. История создания мемуаров В. Ф. Ходасевича о М. Горьком // VII Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс». Сборник статей. М., 2019. С. 128–142.